

РАЗВЕДЧИК ЖАН

(О Кабушкине И. К.)

Связная партизанского отряда «Смерть фашизму» Ирма Лейзер на попутной повозке возвращалась в город. Позади осталась деревня Тадулино. Вдали виднелся поросший лесом холм. Оттуда Ирма решила пробираться в Минск пешком. Она уже взяла свои вещи и хотела сойти, как из-за поворота неожиданно выехала подвода с фашистами. Они задержали Ирму и отвезли в город, сдали прямо в СД.

Дежурный гитлеровской службы безопасности просмотрел отобранные у Ирмы листовки, затем взял записку. На клочке бумаги бежала наспех набросанная строчка. Начальник разведки партизанского отряда просил Жана достать патроны к парабеллumu...

— А-а! Вот какая птишка попала к нам, — вскрикнул дежурный. — Ну, теперь этот Жан от нас не уйдет...

* * *

— Ввести арестованную! — приказал следователь.

Ирму ввели. Следователь испытующе посмотрел на нее. Худая, маленькая, рыжие волосы растрепаны. «И это моя соотечественница», — брезгливо подумал немец.

— Как же так? Ты, фольксдойч, вместо того чтобы помогать нам устанавливать новый порядок на этой земле, сотрудничаешь с партизанами?

Гитлеровец показал на листовки. Ирма молчала.

— Я понимаю: тебе нечего сказать в свое оправдание. Твоя сестра работает в немецком госпитале, получает немецкий паек, а ты... Впрочем, ты можешь исправить свою ошибку, — немец встал, подошел к Ирме и задал ей вопрос: — Где ты должна встретиться с Жаном?

Ирма молчала. Фашист размахнулся, ударил ее по лицу раз, другой...

— Если будешь молчать, вздернем тебя и твою сестру... Подпольщица не произнесла ни слова.

— Мы будем тебя пытать, — немец повысил голос. Терпение изменило ему. Он напал на след Жана, того самого Жана, который среди бела дня убивает его соотечественников, проводит дерзкие диверсии и которого никто не знает в лицо, а эта проклятая, упрямая девка молчит!

— Мы не спрашиваем, кто такой Жан. Мы знаем о нем все. Где назначена встреча? Где он живет? — продолжал задавать вопросы гитлеровец.

Ирма не отвечала.

Следователь открыл дверь в соседнюю комнату, крикнул:

— Эй, Ганс, Фриц, есть работа!

Фашисты сорвали с Ирмы одежду, бросили подпольщицу на пропитанный кровью стол. Толстые резиновые жгуты врезались в незащищенное тело девушки.

— Где скрывается Жан?

— Не знаю...

Палачи продолжали бить подпольщицу. Ирма потеряла сознание. Ее облили водой, и она открыла глаза.

— Когда ты должна встретиться с Жаном? Одно слово — и твои страдания окончатся.

Ирма молчала.

Палачи сунули ей в руки дверные скобки, от них тянулись провода к рубильнику. Один из гитлеровцев включил электроток...

— Перестаньте! Перестаньте! — нечеловеческий вопль вырвался из груди девушки.

— Где назначена встреча? Когда ты должна передать письма?

— На моей квартире... завтра... в одиннадцать часов, —

чуть слышно прошептала Ирма, и тут же сознание оставило ее...

В шесть часов утра гитлеровцы заняли квартиру Ирмы Лейзер. Избитая, измученная, с наведенными на нее пистолетами, Ирма неподвижно сидела в кресле. Что она наделала? Ах, если бы Жан не пришел. Над ним нависла смертельная угроза!

В одиннадцать часов скрипнула дверь. Не постучавшись, Жан вошел в квартиру.словно свора бешеных собак бросилась на него. Высокий, широкоплечий, сильный, он мужественно отбивался от врагов, пробился в прихожую, вырвался на лестницу. Грохнул выстрел, другой.

— Не стрелять! Брать живым! — закричал офицер.

На лестничной площадке на Жана налетели еще несколько фашистов. Его повалили, щелкнули наручники. Затем Жана подняли и повели к машине...

Подпольщиков доставили в СД. Ирма украдкой посмотрела на Жана. В его глазах она думала увидеть гнев, презрение. А в них — грустная усмешка и... жалость. Если бы все держались, как гранит, тогда бы не было провалов и предательств.

— Ты поедешь в партизанский отряд, — приказывает следователь Ирме. — Будешь нашим осведомителем.

Ирма потухшими глазами следит за лицом Жана. Что делать? Соглашаться или нет? У Жана чуть заметно дрогнула бровь.

— Да не вздумай обманывать. Мы оставляем заложницей твою сестру. Не вернешься через месяц — повесим.

— Со мной должен вернуться Жан, — говорит Ирма.

Следователь подвинул Жану лист бумаги, карандаш.

— Пиши! — сказал он и начал диктовать: — приехать пока не могу. Я болен. Патроны пришлю в следующий раз. С приветом. Жан. 8 февраля 1943 года.

...Поздним вечером того же дня Ирма прибыла в партизанский лагерь.

— Что с тобой? — командир отряда не узнавал связную.

— ...Я выдала Жана! — рыдая, Ирма упала на пол землянки.

* * *

— Итак, настоящие имя и фамилия? Кто вы? Откуда? Чем занимались до войны? — так начался допрос Жана.

Жан смотрел на фашиста. Худое выбритое лицо, острый

кадык над воротничком мундира. Держится, старается быть вежливым, корректным. Надолго ли?

— Вам известно мое имя. Зачем же спрашивать? — неторопливо ответил Жан.

— Мы не дураки. Жан — ваша подпольная кличка!

— Мое настоящее имя... — Жан улыбнулся. — Впрочем, это не имеет никакого значения...

— Какие диверсии вы совершили?

— Это вам хорошо известно...

— Ваши сообщники? Явки? Пароли?

— Я действовал один!

— Врешь, русская свинья! — фашист подскочил к Жану, замахнулся. Словно подброшенный пружиной, Жан стремительно (стоящие по бокам охранники даже не успели шевельнуться) вскочил, схватил занесенную на него руку и резко повернул вниз.

— Ооо! — заорал от боли фашист.

Гитлеровцы набросились на Жана.

— На стол его! Шкуру спустить! — кричал следователь.

Жана повалили на стол, застегнули на руках и ногах широкие ремни. Палачи взяли металлические прутья.

...Поздно ночью его бросили в одиночную камеру. Жан приоткрыл тяжелые, словно налитые свинцом, веки. Тусклая лампочка светила над дверью. Потолок, стены выбелены известкой. На них темнели какие-то пятна.

«Это кровь, — догадался Жан. — Кровь моих товарищей. Их пытали здесь...»

Преодолевая боль, Жан привстал, лег на топчан. За годы подполья он приучил себя к мысли, что однажды его может схватить гестапо, приготовился к тому, как держать себя перед врагом в свой смертельный час. Ну что ж, для начала неплохо. Он выдержал пытки, не закричал, не потерял сознания...

В памяти Жана всплывали недавние сцены. Совсем невинные вопросы — настоящие имя и фамилия, откуда родом, кем работал до войны. Можно подумать — сидишь в конторе по найму рабочей силы. Конечно, Жан мог бы назвать и свое настоящее имя, и свою фамилию, рассказать о том, как жил и работал до войны, как очутился в минском подполье. Но это можно доверить только друзьям... А тут — враги, фашисты...

Истерзанное тело кровоточило, ныло, каждый миг напоминало о себе. Нужно забыться, нужно отдохнуть, собраться с силами...

«Ваня, Ванюша, сыночек мой», — как будто слышится ему голос матери. Вот она склоняется над ним, бережно омывает его избитое лицо, ласково перебирает волосы. Кажется, совсем недавно он видел мать, разговаривал с ней...

Минский подпольный горком партии послал Жана на разведку в сторону Барановичей. В деревне Грабовец жила его мать, перед самой войной отправилась навестить родственников, да тут и задержалась. Рядом с деревней — немецкий аэродром, вокруг полно гитлеровцев. Жан приехал под видом полицейского.

— Мать, ты не думай обо мне плохого, — говорил Жан ночью, когда они остались одни.

— Я верю тебе, ты мой сын, мой единственный...

— Я не полицейай, я выполняю задание Красной Армии. Только ты никому не говори.

— Хорошо, сынок, — прошептала Ирина Лукинична, — я и слова никому не молвлю...

Жану будто стало теплее, куда-то отступила и, кажется, совсем исчезла нестерпимая боль. Перед его глазами возникли новые видения...

* * *

Веселый паренек Ваня Кабушкин ведет трамвай по узким улочкам Казани. Проплывают стены кремля, мелькают высокие, тонкие минареты мечетей. Заливистая трель трамвайного звонка оглашает улицы. На остановках вагоны штурмует шумливый народ — спешит к машинам и станкам, на стройки, в аудитории институтов.

После смены Ваня собирает таких же, как он сам, напористых, жизнерадостных парней и девчат и ведет их в тир Осоавиахима. Недавно его приняли в комсомол, поручили руководить стрелковым кружком. Тренировки следуют одна за другой. Ваня Кабушкин и его друзья становятся меткими «Ворошиловскими стрелками».

Ивана призывают на военную службу. Кабушкин заканчивает курсы младших лейтенантов, участвует в войне с белофиннами, ранен. Летом 1940 года дивизию, в которой он служит перебрасывают на западную границу. За несколько дней до начала войны к нему приезжают мать и его жена Тамара.

В Минске младший лейтенант Иван Кабушкин очутился, как и тысячи других советских воинов, отходивших с боями от западной границы.

С помощью верных людей раздобыл надежные документы на имя Александра Назарова. Оделся деревенским парнем — серая рубаша, пиджак, брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Ветер трепал светлые волосы. Ходил по городу, от зорких глаз ничто не ускользало.

Гитлеровцы заполнили улицы города. В первые дни они ходили без оружия, только тесаки болтались на поясах. В уцелевших зданиях разместились штабы, тыловые организации.

На улице Кирова, напротив здания бывшей Совпартшколы, — огромная карта. На ней оккупанты стали отмечать продвижение своих войск. Иван посмотрел — сердце защемило. Фашисты окружили Одессу, подошли к Киеву, осадили Смоленск.

Несколько дней Кабушкин ходил по городу, присматривался к новому порядку, прислушивался к разговорам минчан.

«Да, в городе есть люди, готовые к схватке с фашизмом. Есть!» — думал он.

Кабушкин знакомится с отставшими от частей командирами и красноармейцами, такими же, как он сам, коммунистами и комсомольцами. И вот уже сколачивается группа патриотов. Они заманивают фашистов в развалины, убивают, овладевают их оружием, устраивают диверсии. Кабушкин добывает батарейный приемник, питание к нему. И на подпольную квартиру в Минске, уже отстоящем от линии фронта на сотни километров, приходят слова правды. Подпольщики распространяют по городу рукописные листовки. Минск живет, Минск борется!

В конце 1941 года Кабушкин устанавливает связь с подпольным горкомом партии. На железнодорожном узле то и дело взрываются паровозы, происходят крушения. Выходит из строя оборудование на предприятиях. Внезапно исчезают гитлеровские офицеры и солдаты — по утрам их трупы находят в развалинах. Подпольный горком партии на квартире наборщика Воронова создает типографию. Кабушкин помогает переправить шрифт, наборную кассу, краску, бумагу. Уже отпечатанные типографским способом, листовки призывают минчан к борьбе с оккупантами.

У Кабушкина несколько тайных квартир, большой круг знакомых. Но никто не знает его настоящего имени и фами-

лии. Он часто меняет документы: то он Назаров, то Бабушкин, то просто Сашка. Многим же он известен, как Жан — так называла Ивана его жена Тамара. Жан нигде не работает, но в его аусвайсах в графе «профессия» значится: парикмахер, часовой мастер, ювелир, торговец. Он вездесущ и неуловим.

Жан был знаком с врачом одной городской больницы, красивой женщиной, за которой усиленно ухаживали гитлеровские офицеры. Время от времени они устраивали на ее квартире пьянки, а она рассказывала Жану обо всем, что они говорили. Этими сборищами Жан пользовался как источником информации. Сюда часто приходил офицер СД. Жану было известно, что с этим гитлеровцем связано несколько предателей. Кто они?

Жан посоветовал своей знакомой подпоить фашиста, уговорить остаться на ночь. Скоро случай представился. После очередной пьянки, когда все разошлись, гитлеровец разделся и лег в постель. Дверь бесшумно отворилась, в спальню вошел Жан. Фашист выхватил из-под подушки пистолет, но он был разряжен... В страхе фашист выдал своих осведомителей...

Одно время Жан жил в Пушкинском поселке на подпольной квартире у Марии Петровны Евдокимовой. Ее муж, подполковник пограничных войск, на фронте. У Марии Петровны двое сыновей — Гвидо 17 лет и Борис 13 лет. Гвидо работает в гебитскомиссариате. Мария Петровна прилично знает немецкий язык. На этой квартире Жан чувствует себя в безопасности. Мария Петровна — ласковая, внимательная — относится к Жану, как к собственному сыну.

Гвидо и Боря по ночам расклеивают листовки. Первым идет Боря. У него под пальто спрятаны банка с клеем, кисть. Он мажет стены. Следом торопится Гвидо, прилепывает на клей листовки.

Мария Петровна помогает подпольщикам. Ее квартира — сборный пункт для отправки советских людей в партизанские отряды. Однажды у нее собралось шесть человек. Пришел Жан.

— Что делать, Жан? Люди собрались, а машины нет, — бросилась к нему Мария Петровна.

— Успокойся, мать. Я сейчас приеду, — сказал Жан и ушел. Через час он подъехал на грузовой машине.

— Ну-ка, поживей! — скомандовал Жан. Люди залезли в кузов. Погрузили оружие, которое было спрятано в сарае.

Жан сел в кабину, завел мотор. Машина исчезла в ночной темноте.

Через три дня он вернулся.

— А где же машина? — поинтересовалась Мария Петровна.

— Я ее под откос, — улыбнулся Жан.

— Как ты ее достал?

— Очень просто. Вышел на дорогу. Смотрю, идет машина. Поднял руку. Машина останавливается, высовывается немец: «Что нужно?» Я его стукнул по голове, оглушил и вытащил, а сам — за руль... Вот и все, — говорит Жан.

Партизанам нужно было установить, сколько фашистов охраняет железнодорожный мост через Свислочь.

— Жан, я пойду узнаю, — говорит Мария Петровна.

— Что ты, мать? Поймают немцы, что мы без тебя будем делать? — отговаривал Жан Марию Петровну.

Но она настояла на своем. Утром собрала кое-какие вещицы в мешок и пошла в деревню менять их на хлеб. На обратном пути Мария Петровна свернула на тропинку, ведущую к мосту. Колючая проволока в три ряда, за ней казарма.

— Халът! — подняв автомат, закричал часовой.

— Пить, пить хочу, — заговорила по-немецки Мария Петровна.

Услышав родную речь, гитлеровец опустил автомат, открыл калитку. Мария Петровна заговорила с ним. Немец провел ее в казарму, где стоял бачок с водой. Разведчица медленными глотками пила теплую, отдающую речной тиной и хлоркой воду. Увидела оружейную пирамиду, окинула взглядом. Стоят семнадцать автоматов, три ячейки пустые. Правильно — на мосту два часовых, один возле казармы.

Мария Петровна поблагодарила немца. Он показал, как пройти на ближайшее шоссе. Там с попутной машиной можно доехать до Минска.

Обо всем увиденном Мария Петровна рассказала Жану. Вскоре партизаны взорвали мост.

Служба безопасности напала на след Минского подпольного горкома партии. Это произошло в марте 1942 года. Арестованы были секретарь подпольного горкома партии И. П. Казинец, члены горкома С. И. Заяц, Г. М. Семенов и многие другие патриоты.

В партизанском отряде, которым командует В. К. Ничипорович, Жан продолжает оставаться на переднем крае борьбы. Он ходит в разведку, затем его направляют в Бобруйск. Здесь Жан добывает оборудование для типографии, которую намечено создать в партизанском отряде.

...В Минске коммунисты восстанавливают подпольный горком. Жан возвращается в город.

Подпольщики организуют выпуск нелегальной газеты «Звезда». Ее первый номер выходит в мае 1942 года двухтысячным тиражом. В нем помещены обращение Якуба Коласа к белорусскому народу, сводки Совинформбюро и другие материалы.

Выполняя задание, погибает редактор газеты В. С. Омелянюк. Но «Звезда» продолжает выходить. Редколлегия готовит очередной номер. Нужны свежие сведения о боевых действиях белорусских партизан.

— Под Дзержинском действует партизанский отряд, — говорит редактор газеты В. К. Никифоров. — Кто поедет?

— Жан! — подсказывают ему.

— Найдите его, — просит редактор.

Через некоторое время Жан приходит на подпольную квартиру. Получив задание, он садится на велосипед и мчится за тридцать пять километров в Дзержинск. Партизанскими тропинками пробирается Жан в расположение партизанского отряда, встречается с его командиром, собирает нужные сведения. Поздно вечером он снова встречается с редактором и рассказывает о действиях партизан. Редактор пишет статью, ставит в номер. В глубоком тылу немцев, в оккупированном городе тысячными тиражами выходит большевистская газета «Звезда». Гитлеровцы сбиваются с ног, ищут подпольную типографию. Тщетно! До самого конца оккупации они так и не сумели узнать, где печаталась газета.

При аресте ранен подпольщик В. И. Сайчик, по прозвищу Батя. Его помещают в госпиталь. Работающая там медицинской сестрой Виктория Рубец, связанная с подпольщиками, помогает бежать ему. Батя укрывается на подпольной квартире у Миши Цитович. Но долго здесь оставаться нельзя: во дворе дома — гестаповский гараж. Миша находит подпольщицу Шуру Янулис, просит передать Жану, что Батя находится у нее.

Шура назначает встречу Жану в парке Горького. Придя в парк, она видит: по дорожке идет высокий незнакомый че-

ловец. Кто это? Шура пристально вглядывается. Жан! Она облегченно вздыхает. Но его трудно узнать — выкрасил волосы в черный цвет, носит темные очки.

Жан берет ее под руку, и они, тесно прижимаясь друг к другу, как влюбленная пара, идут по аллеям парка.

— Батя на квартире Миши. Его нужно вывести в партизанский отряд, — шепчет Шура.

— Хорошо, — отвечает Жан. В свою очередь он тоже дает задание Шуре: — За вторым домом Советов в развалинах спрятано оружие. Завтра под видом крестьян приедут партизаны. (Крестьяне приезжают в город собирать в развалинах листы железа, кирпич для строительства.) Ты должна их встретить, показать тайник. Жди их у больницы. В руках держи букет из кленовых листьев. Все поняла? — спрашивает Жан.

— Да, — кивает головой Шура. Они расходятся.

Вечером того же дня Батя — в безопасном месте. На другой день Шура Янулис точно выводит партизан на тайник с оружием. Погрузив его в телегу, забросав листами железа и обгоревшими досками, они уезжают из города.

* * *

Осенью 1942 года гитлеровцы наносят еще один удар по подполью. Арестованы все члены горкома. Но подполье действует. Те, кто остается на свободе, продолжают дело своих товарищей. Жан и другие подпольщики выпускают листовку — «К населению Белоруссии». Поздним октябрьским вечером Жан приносит на квартиру к подпольщице Шуре Янулис несколько пачек листовок.

Комендантский час. Горожанам запрещено появляться на улицах. Но подпольщики выходят из дома. Они идут вверх по Революционной, к тюрьме, к бирже труда. На стенах домов, на столбах в ночной темноте белеют листовки.

Осенний ветер гудит в развалинах, льет холодный дождь. Немцы попрятались в своих будках. Здание тюрьмы. Жан подходит к ее воротам, наклеивает несколько листовок, затем — на здании биржи труда. В ту ночь по всему Минску были расклеены листовки.

Утром Жан и Шура выходят на улицу. У листовок собираются толпы народа...

...Эпизоды борьбы проходят перед глазами подпольщика. Ну что ж, он дрался, не жалея себя... Жаль — так глупо попался. «Эх, Ирма, Ирма! Примитивно действовала! В отряд ходила одними тропинками. Выследили ее фашисты». Тут Жану вспоминаются слова секретаря подпольного горкома И. Казинца: «В подпольной работе не может быть мелочей. За них дорого приходится платить».

Бесконечно долго тянется ночь. А утром все начинается снова. Жана бьют, жгут раскаленным железом, выкручивают руки, пытаются электротоком. Жан проявляет нечеловеческую выдержку, упорно молчит. Ему устраивают очную ставку с ранее арестованными подпольщиками. Он делает вид, что не знает их. Они тоже отрицают свое знакомство с ним.

— Он лишен нервов, — сетует следователь. — Его пора ликвидировать.

— Он знает всех. У него десятки явочных квартир. Он связан со многими партизанскими отрядами. Мы заставим его говорить, — возражает главный следователь.

Жана на полмесяца оставляют без воды и пищи. С помощью сестер Фриды и Розы Книговых, работающих уборщицами в тюрьме, подпольщики устанавливают с ним связь, передают пищу. Во время мытья полов Фрида льет чистую воду под дверь камеры Жана. «Лей больше. Вода — это пища моя», — пишет он в одной из записок.

Присутствие духа не покидает Жана. «Умру, подлецом не буду, нового они ничего не добились, против меня материал большой и довольно солидный — с 1941 года...» — пишет Жан друзьям. В другой записке он сообщает: «В отношении меня — затишье. Я полагаю так, что нового они не добились, все попытки не увенчались успехом...»

Ни одного человека не выдал Жан. После его ареста не пострадал ни один подпольщик, связанный с ним.

Жан разрабатывает план побега из тюрьмы. Его друзья проносят в тюрьму ключ от замка камеры, одежду. Но побег осуществить не удалось. Гитлеровцы, по-видимому, почуяли что-то неладное. Они арестовали сестер Книговых, сменили начальника тюрьмы, усилили охрану.

Бесстрашный разведчик Жан — Иван Константинович Кабушкин погиб в фашистских застенках.

* * *

Родина помнит своего отважного сына, легендарного подпольщика Жана. В день 20-летия Победы советского народа над фашистской Германией Ивану Константиновичу Кабушкину присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

На здании первого вагонного депо в Казани укреплен мемориальная доска, которая гласит, что здесь трудился Герой Советского Союза И. К. Кабушкин.

Казанские комсомольцы побывали в Минске, где боролся и погиб легендарный Жан, навестили его мать — Ирину Лукиничну. Матери замечательного советского патриота вручена на хранение Грамота Героя Советского Союза. Одна из улиц Минска названа именем Ивана Кабушкина.